

С личностью «милостника» Святослава Всеволодовича в исторической науке связана интересная гипотеза о возможном участии Кочкаря в создании «Слова о полку Игореве» [1, с. 55, 65; 13, с. 155–175]. Но стоит подчеркнуть, что она лишена каких-либо серьезных аргументов, свидетельствующих в ее пользу.

1. Барон, Х. Вокруг „Слова о полку Игореве”: из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева / Х. Барон, Е. В. Душечкина // Славяноведение. – 2000. – № 4. – С. 50–78.
2. Гркович, М. Речник личних имена код Срба / М. Гркович. – Београд : Вук Караџић, 1977. – 328 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Ч. 2 : И–О. – Москва : Издательство общества любителей Российской словесности, 1865. – с. 629–1351.
4. Илчев, С. Речник на личните и фамилии имена у българите / С. Илчев. – София : Издателство на Българската Академия на науките, 1969. – 628 с.
5. Именной и географический указатель к Ипатьевской летописи / подг. Л. Л. Муравьева, Л. Ф. Кузьмина // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 2. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – С. I–XXXIII.
6. Ипатьевская летопись // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 2. – Санкт-Петербург : Типография М. А. Александрова, 1908. – 938 с.
7. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 13: вторая половина. – Санкт-Петербург : Типография М. А. Александрова, 1906. – 240 с.
8. Літопис руський / за ред. Л. Махновця. – Київ : Дніпро, 1989. – 590 с.
9. Марков, В. И. Тюркский след в истории Украины X–XVII вв. / В. И. Марков. – Санкт-Петербург : Евразия, 2016. – 382 с.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 659 с.
11. Повесть временных лет / подг. Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – 670 с.
12. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Т. 1 : А–К. – Санкт-Петербург : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1893. – 1420 с.
13. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Т. 2 : Л–П. – Санкт-Петербург : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1902. – 1802 с.
14. Тарасов, С. Возможный автор “Слова о полку Игореве” / С. Тарасов // Новый журнал. – Вып. 39. – 1954. – С. 155–175.
15. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. – 475 с.
16. Тихомиров, М. Н. Условное феодальное держание на Руси XII в. / М. Н. Тихомиров // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия / редкол.: В. П. Волгин [и др.]. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1952. – С. 100–140.
17. Тупилов, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупилов. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 863 с.
18. Франчук, В. Ю. Иноплеменники в структуре государственной власти Руси XII в. / В. Ю. Франчук // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза : материалы конференции XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, 15–17 апреля 2015 г. / редкол.: Е. А. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2015. – С. 288–293.
19. Халимоненко, Г. І. Давньотюркські антропоніми в українських літописах X–XIII ст. / Г. І. Халимоненко // Матеріали міжнародної наукової конференції “Спадщина Омеляна Прицака і сучасні гуманітарні науки”, 28–30 травня 2008 р. – Київ : Аратта, 2009. – С. 282–295.
20. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przyp. opatrz. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. – Kraków ; Warszawa : Wydawnictwo Polskiej Akademii Umiejętności, 2017 (Seria: Monumenta Poloniae Historica. Series nova, t. 16).
21. Nagirnyy, V. Urzędniczy ziemi kijowskiej (druga połowa XI – pierwsza połowa XIII w.). Studium prozopograficzne / V. Nagirnyy. – Kraków : Historia Jagiellonica, 2021.
22. Pleskalová, J. Tvoření nejstarších českých osobních jmen / J. Pleskalová. – Brno : Masarykova univerzita, 1998. – 158 s.
23. Skulina, T. Staroruskie imiennictwo osobowe / T. Skulina. – Cz. 2. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich ; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974. – 239 s.
24. Taszycki, W. Najdawniejsze polskie imiona osobowe / W. Taszycki. – Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 1925. – 124 s.

Долгов В. В.

СЕМИОТИКА ЧУДЕСНОГО В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Древнерусские тексты, посвященные описанию разных аспектов исторического процесса, весьма разнообразны. Это и летописи, описывающие события, произошедшие на Руси, и хронографы, в которых нашли отражение события мировой истории, и жития – истории жизни святых, и сами библейские тексты, в которых читатель находил описание событий истории священной. Академик Д. С. Лихачев считал историю как тему одной из отличительных признаков древнерусской литературы в целом [1, с. 11]. Этим качеством обусловлен целый ряд её специфических черт: отсутствие сознательного вымысла, неразвитость культа авторства, а также неустойчивость отдельных текстов при устойчивости литературно-исторической традиции.

При всем разнообразии исторических жанров, тексты могут рассматриваться как единое культурное явление: общего в них больше, чем различного. Летописный текст обнаруживает несомненное идейное и художественное родство с текстом агиографическим, тот, в свою очередь,

с библейским и т. д. Древнерусская литература знает немало примеров не просто переключки летописных и агиографических текстов, но прямого их взаимопроникновения. Традиция эта была заложена автором /авторами Повести временных лет, включивших в повествование множество фрагментов, имеющих параллели в Киево-Печерском Патерике.

На протяжении всего периода существования русской летописной традиции агиографические вставки в исторический текст были обычным явлением. Из множества черт, объединяющих древнерусские исторические тексты в метатекст, в настоящей работе будет рассмотрена лишь одна. Практически весь древнерусский исторический нарратив имеет в качестве одной из мировоззренческих основ апелляцию к чудесному. В каких-то случаях мотив обращения к чудесному встречается чаще, в каких-то реже, но примеров исторического повествования, в котором автор вовсе пренебрег обращением к явлениям сверхрационального, потустороннего мира, практически нет.

Самое простое объяснение, которое первым приходит в голову при столкновении с этим явлением, строится на идее существования особой средневековой ментальности, для которой была свойственна особенная склонность к мистическим формам сознания. Такое объяснение столь же бесспорно, сколь и поверхностно. При всей мистичности общественного сознания древнерусского социума, человек не мыслил иррационально всегда и везде. Такой способ восприятия реальности сильно затруднил бы жизнь в реальном мире. Известны целые классы текстов, в которых тема сверхъестественного либо занимает минимальное место, либо отсутствует вообще. Таковы, например, законодательные акты, весьма приземленные и прагматичные по своей идейной поддержке. Несодержат следов мистического мировосприятия берестяные грамоты. И даже епитимийники, хотя и предназначены для работы с разного рода языческими пережитками, обнаруживают исключительную, практически «бухгалтерскую» рациональность.

Таким образом, человек раннего русского средневековья вовсе не был подвержен перманентному метафизическому трансу. Следовательно, апелляция к чудесному в древнерусских текстах не являются нейтральным фоном, а имеют некоторое значение. К пассажам, завязанным на «чудесном», прибегали в определенных случаях, рассматривая которые вполне можно реконструировать общую парадигматику.

Интересные наблюдения можно сделать при сопоставлении текста Повести временных лет (ПВЛ) и Новгородской первой летописи (НПЛ). Самый беглый взгляд на НПЛ позволяет понять, что северный новгородский летописец в гораздо меньшей степени уделяет внимание чудесному даже в тех пассажах, в которых сам ход повествования вроде бы располагает к рассуждениям такого рода. Весьма примечателен рассказ о моровом поветрии, постигшем Полоцк в 1092 году.

НПЛ	ПВЛ по Лаврентьевскому списку
Въ лѣто 6600 [1092]. В лѣто 6600 [1092]. Найдѣ рана на Полочаны, яко нѣкако бѣше ходити по улицамъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта Б видѣти; да аще кто изъ избѣ вылазаше, напрасно убиенъ бываше невидѣмо [4, с. 202].	В лѣто 6600 [1092] Предивно бысть [чюдо] Полотъскѣ въ мечтѣ ны бываше в ноци тутѣнъ станаше по улицы. яко человеци рищюще бѣси, аще кто вылѣзаше ис хоромини хотя видѣти абѣ оуязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. Посемъ же начаша в дне являтися на конихъ и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди Плотьские и его область. Тѣмъ и человеци глаголаху, яко наевѣ бѣють Полочаны. Се же знаменье поча быти отъ Дрютьска. В си же времена бысть знаменье въ небесияко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ. В се лѣто ведро бѣше яко изга [ра]ше земля, и мнози борове възгарахусясами, и болота и многа знаменье бываху по мѣстомъ, и рать велика бѣше от Половецъ и отъсюду, взяша три грады: Пѣсочень, Переволуку, [Прилукъ] и многа села воеваша. по обѣма страномъ [3, с. 214–215].

Как видим, оба фрагмента построены, по сути, одинаково. В них, очевидно, сообразно воззрениям эпохи, обрушившееся на Полоцк моровое поветриетрактуется как проявление атаки неких невидимых всадников, причинявших «раны» тем, кто неосторожно оказался в опасный момент на улице.

Фрагменты отражают последовательные фазы развития текста. Вариант НПЛ, как считается, содержит текст, близкий Начальному своду. Попад в среду новгородского летописания, он «законсервировался» и поэтому дошел до нас в том элементарном виде, в котором был создан. Фрагмент Лаврентьевской летописи иной: она является частью Повести временных лет, в которой текст Начального свода подвергся глубокой переработке и дополнению.

Разная судьба фрагмента, развивавшегося в рамках двух разных летописных школ, объясняется разным строем литературной культуры. Северные летописцы были весьма сдержаны в повествовании, стремились придерживаться минималистического стиля и строгой фактологии. Южные работали по-другому: всегда были не прочь развить имеющийся материал, дополнив его подробностями, нравоучительными рассуждениями и философскими обобщениями.

Сопоставление фрагментов может приоткрыть перед нами «писательскую лабораторию» летописца. В каком направлении был изменен текст? Какие новые идеи в нем появились?

Во-первых, текст рассказа о полоцком моровом поветрии стал, несомненно, более увлекательным и драматичным. Было бы, пожалуй, некоторым преувеличением сказать, что летописцы сознательно заботились о придании повествованию сюжетной увлекательности. Летописный жанр не предполагал наличия широких читательских масс, развлекать было некого. Но все-таки некоторые элементы риторического вкуса не были летописцам чужды. Образцом для создания русского летописного нарратива служили византийские хроники. Авторы этих хроник при всей их христианской вовлеченности оставались наследниками греческой исторической традиции, для которой увлекательность была одним из организующих принципов построения текста. Поэтому, риторические приемы на уровне некоторых элементов византийской исторической традиции ПВЛ присутствуют. В данном случае, мы видим один из них.

Во-вторых, в описании ПВЛ полоцкое событие из примечательного казуса превратилось в проявление метафизической связи между земными событиями и миром потустороннего. Такая связь мыслилась важнейшим принципом хода земной жизни. Интеллектуальный навык, позволявший видеть в профанном мире проявление сил мира горнего был одним из важнейших для древнерусских книжников. Он развивался в процессе обучения и считался проявлением профессиональной зрелости и мудрости. В этом контексте полоцкий мор оказался помещен в целую серию подобных событий. Серия обозначила тенденцию, показывающую, что «нашествие навьев» было неслучайным событием, а проявлением божественного наказания. Таким образом летописец достигал весьма важной цели: придавал историческому повествованию *смысл*.

Таким образом, мы можем выделить, как минимум, два новых оттенка значения рассматриваемого фрагмента, появившихся в результате усиления мотива «чудес». История про полоцкий мор получила качественное риторическое оформление и обрела дополнительный смысл, превратившись из описания частного случая в проявление осмысленной связи земного и небесного.

Формирование летописцем перечисленных значений может считаться результатом вполне добросовестного подхода. Они объективно увеличивают смысловую нагрузку исторического текста (не в фактологическом, конечно, а в идейном отношении). Поэтому, конечно, неверно считать описание чудес в древнерусских текстах информационным сбоем или помехой, мешающей историку подойти ближе к «объективной реальности». Летописец не уменьшал, а увеличивал информационную насыщенность текста. Наша задача состоит лишь в том, чтобы правильно прочитать «зашифрованное» таким образом послание.

Впрочем, как было сказано, человек древней Руси совсем не был стихийным мистиком. Интеллектуальный навык видеть чудесное в обыденном сознательно воспитывался в процессе обучения. Наряду с возвышенным восприятием реальности всегда существовало и вполне обыденное, профанное мировосприятие, гораздо более практичное и приземленное.

В литературе такой образ мысли нашел отражение, как ни странно, в Киево-Печерском патерике. Среди прочих персонажей этого произведения есть малопримечательный боярин Василий, подручный гораздо более знатного вельможи – Георгия Шимоновича. Георгий в детстве страдал от болезни глаз [2, с. 334]. Излечение Георгий получил от Феодосия. Памятуя об этом чудесном излечении, Георгий решил пожертвовать крупную сумму на украшение гробницы почившего к тому времени святого. С поручением отвезти в Печерский монастырь пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота он отправил того самого Василия. Казалось бы, с религиозной точки зрения, дело понятное и благое. Однако резоны Георгия оказались совершенно непонятны Василию. Он, разумеется, подчиняется указанию начальства и отправляется в путь, но вся его натура бунтует против столь бесхозяйственного расходования ресурсов. Он размышляет о том, что толку в этой поездке нет никакого. В монастыре такой значительный взнос никто не сможет оценить по достоинству. По его мнению, мертвому нет никакой разницы, окована его гробница или нет. Христианский порыв своего господина он считает проявлением глупой и безответственной расточительности, а свою поездку делом бессмысленным и потому весьма удручающим. Его размышления показаны автором Патерика проявлением самого трезвого рационализма и едкого скепсиса: «Приим же убо сие Василие и неволею емлется пути, проклиная живот свой и день рождения своего, и глаголаше въ умѣ си: «Что се смыслилъ князь наш толико богатество погубити? И каа мзда сего ради будет ему, еже мертваго гробъ оковати? Но яко туне добыто и туне же и повержено! Лютѣ же мнѣ единому, не смѣвшу преслушати господина своего! Что ради дом мой оставих и кого ради путь сий горкий шествую? И от кого ли честь прииму: къ князю есмь не посланъ, ни ко иному вельможи. Что реку или что възглаголю къ оной корстѣ каменной, и кто ми дасть отвѣтъ? Кто ли не посмеется моему безумному приходу?» Сиа глаголаше к сущим с ним, и инаа множашаа сихъ» [2, с. 332].

Понятно, что историчность древнерусского скептика Василия под вопросом. Однако в данном случае, совершенно неважно, существовал ли в действительности названный Василий.

Не важно и то, пускался ли он на самом деле в подобного рода рассуждения. Бесспорно одно: сам автор текста Патерика вполне понимал логику рационально-скептического взгляда на устройство мира, раз мог её так подробно, убедительно и эмоционально передать. Сам он её, как явствует из дальнейшего повествования, не разделял. Собственно, весь смысл этого фрагмента именно в том, чтобы показать ошибочность рассуждения в скептическом духе. Тем не менее, глубокое понимание логики оппонента всегда предполагает способность до некоторой степени встать на его позицию. Следовательно, логика Василия – это отчасти и логика автора Патерика. Логика, с которой он борется. Причем, возможно, борется не только в душах других людей, но и в своей собственной.

Другими словами, древнерусский человек мог временами становиться скептиком. Поэтому роль введения «чудесных мотивов» в древнерусские тексты не всегда была обусловлена религиозными и философскими потребностями. Иногда герменевтический круг вполне позволяет увидеть прагматику иного рода. Прагматику в духе боярина Василия.

Сопоставим еще два летописных фрагмента. Это фрагменты, повествующие о пожаре, который произошел в г. Владимире 23 мая 1491 года.

Версия № 1. Сообщение Никоновской летописи выглядит так: «згорел градъ Володимиръ весь и съ посады; и церковь Пречистыя Рождество в монастыре внутри града выгоре, и тело князя великого Александра Невского згоре» [6, стб. 229].

Однако в парадном Лицевом своде, Степенной книге [7, стб. 569], а так же в Синодальном списке Воскресенской летописи содержится иная история, назовем её версией № 2, озаглавленная: «Чюдо. О явлении на воздухе святого и великого князя Александра Невского, и о пожаре Володимерскомъ». Согласно этому варианту, пожар во Владимире действительно произошел. Однако ему предшествовало чудесное явление: «отъ самого верха церкви тоя видеша необычно видение, яко облакъ легкий протязашеся, или яко дымъ тонокъ извиваша, белостию же яко иней чистъ, светлостию же яко солнцу подобообразно блещаша, идеже тогда въ тонкости и светлости облака того видеша подобие образа блаженного великого князя Александра на кони быстръ яко къ небеси изимаяся яздеца» [7, стб. 229–230; 5, стб. 221–222]. Затем произошел пожар. Церковь внутри вся выгорела вместе с людьми. Однако пелена, который был покрыт гроб, оказалась нетронута огнем. Могила уцелела и продолжила чудотворить. Рассказ наполнен весьма конкретными подробностями и вообще выглядит весьма убедительно. Он является, несомненно, поздней вставкой, сделанной, надо полагать, книжником из кружка митрополита Макария. Вероятно, автором этого пассажа является митрополит Афанасий – автор Степенной книги (по стилистике отрывок выбивается из летописного текста, но вполне органично смотрится в составе Степенной книги).

Этот «чудесный пассаж», как и предыдущий, тоже, несомненно, делает рассказ и более увлекательным, и более «учительным». Однако есть в нем и важное отличие от пассажа с полоцким мором: по сравнению с первоначальным вариантом он меняет суть рассказа на прямо противоположное. Причем, известно, что в реальности мощи князя Александра не сохранились. Так каков же был смысл рассказа, написанного, предположительно, митрополитом Афанасием? Очевидно он был написан для того, чтобы сокрыть правду. Резоны автора, безусловно, понятны. Однако в данном случае есть повод серьезно усомниться в хрестоматийном выводе акад. Д. С. Лихачева об отсутствии в древнерусской литературе сознательного вымысла. Есть все основания считать, что это именно он – вымысел, который в историческом контексте является ничем иным как сознательной ложью.

1. Лихачев, Д. С. Великий путь: становление русской литературы XI – XVII веков / Д. С. Лихачев. – Москва : Современник, 1987. – 301 с.
2. Об оковании раце преподобного отца нашего Феодосия Печерского. Слово 10. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4 : XII век. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – С. 330–336.
3. ПСРЛ. – Т. I : Лаврентьевская летопись. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
4. ПСРЛ. – Т. III : Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : Языки русской культуры. – 2000.
5. ПСРЛ. – Т. VIII : Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – Санкт-Петербург, 1859. – 302 с., 720 с.
6. ПСРЛ. – Т. XII : Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Санкт-Петербург, 1901. – 272 с.
7. ПСРЛ. – Т. XXI : Половина 2-ая. Книга Степенная царского родословия (11–17 степени грани). – Санкт-Петербург, 1913. – 370 с.

Крылов К. Е.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ КОРОЛЕВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЭГО-ДОКУМЕНТОМ? (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ВОЛИ ИЗАБЕЛЛЫ КАСТИЛЬСКОЙ)

Использование термина «эго-документы» уходит корнями в XIX век. Широкое применение он получил благодаря нидерландскому историку Ж. Прессеру, который использовал его для обозначения документов личного происхождения: автобиографий, дневников, личных писем [5, р. 7].